

Терновник

I

Поминальные свечи
холодного неба
озаряют
туман сентября.
В тишину упадёт
ароматом дождя
осенний цветок.
Отразится в воде
тень прошедшего дня,
словно призрак
в тумане зеркал.
Сквозь полночный огонь
я найду путь домой,
лишь забыв
дорогу назад.

II

Солнце скользнёт в листву
нежным осенним всполохом.
Шелест волос на ветру,
словно шёпот терновника.
Тают в лучах зари
слёзы надломленных хвой.
За горизонтом –
ночь
стонет
в цепях заката.
Сердцу рукой подать
до тишины безлуны.

III

Опусти крылья.
Упади в сырую траву.
У ломаной линии
берега,
в многоточиях
звёзд и песка
оставь свой голос,
пусть повесть ведёт
тростник,
пусть разгорается ветер души
в жерле бессмертной ночи,
где всё обращается в пепел,
словно вернувшись к истоку.

Вновь

Там,
где замирает сердце
в свете прощальных слов,
там,
где вода неба
превращается
в вино заката,
ветер роняет листву
и убегает вновь
в тихую ночь, хранящую
шёпот зимнего сада.
Туда,
где горизонт затаил
тёплую лень облаков,
туда,
где осеннее утро,
словно
прикосновение
к обнажённому
женскому телу,
ветер уносит пыль
и возвращается вновь,
вновь обретённой верой
в проблесках первого снега.

Осенние тени

Октябрьский ветер
воспламеняет листву,
маневрируя
между любовью и ненавистью.
Солнце,
теряющее высоту,
вскользь разбавляет
фонарную плесень.

Превратилась душа
в золотистый ожог,
сердце –
в отблеск далёкой пристани.
На пороге сквозняк,
как пастуший рожок,
и закат, как последняя истина.

Осень
венчает серый простор
с нежной болью
холодных сумерек.
Следуя за своей звездой

ночь обретает безумие.

Галерея

Тревожная свеча рассвета,
осенних ставен мерный скрип,
роняет небо серый пепел
на головы продрогших лип.

По зазеркалью блеклых окон
струится каменный пейзаж -
морщины крыш, кровоподтёки
фасадов, улиц макияж.

Иди, иди в безбрежный сумрак,
сквозь галерею тишины,
чтобы оставить свой рисунок,
рисунок выжженной души.

И погружаясь в сырость будней,
что тянет исподволь на дно,
будь как ребёнок безрассуден,
иного права не дано.

В плену ноябрьского тлена,
где надзирает стылый дождь,
гори, сгорай, люби как в первый,
как в первый раз, иное - ложь.

В тугих силках осенней лени,
где мокрый снег раскинул сеть,
будь как на плахе откровенен
с самим собой, иное - смерть.

Сырая земля

Запах сырой земли,
серая пустошь тумана,
ветер ноет вдали,
словно старая рана.

Мглистая вязь ноября
тянется в дымку обочин,
жухлой соломой горят
призраки тающей ночи.

Тусклый мертвенный свет
в сердце
навязчивым гостем,
и подпирает рассвет

крест на осеннем погосте.

Зимний город

Нордического неба мгла.
Аллея застенчивая россыпь.
Душа с декабрьского дна,
держась за ржавый лучик солнца,
скользит в мерцающий закат.
И разливает зимний яд
сырой сквозняк, как будто отблеск
свинцовой северной волны.
В пустынных переулках - воздух
пронзают плачем фонари.
И угольный беззвёздный холод,
вобрав вечерние огни,
ложится призраком на город,
стирая блеклый след зари.

Погружение

На плечах лежит
мраморным сукном
лёгкий дым луны.

Вороным крылом
за окном дрожит
ветер декабря.

Золотая ночь
дарит тёплый свет,
и мерцает снег

мотыльком огня
в пепельных глазах
зимних фонарей.

У входных дверей,
где замочный ключ -
лучик серебра,

где стеклянных лип
ледяная статья
застилает взгляд,

вороным крылом
отзовется даль
на немой вопрос,

прижигая боль,

превращая снег
в искры поздних звёзд.

Аскеза

Мелким почерком
прошуршит
метель января
по белым страницам
улиц.
Иней
очертит веточку ивы
у замёрзшего берега
сердца.
Треснувший лёд
луны
отзовётся
молчанием
и обрисует
перспективы
полночной аскезы.

На щеке
застынет слезой
северный свет.
Горизонт
затопит
сиренево-алой
предсмертной краской,
будто время пришло,
ждёшь ты его или нет,
чтобы вписать
ещё одну строчку
в роман
с открытым финалом...

Холодный танец

Смотрят вслед
стервятники звёзд
сквозь разводы луны
на стекле пьяной ночи,
и отравленный воздух
ласкает плоть
тротуаров,
и свинцовый огонь фонарей
обжигает иней
аллей,
и разлуки рубин
разгорается в сердце

последним закатом
зимы.
Всё уходит,
лишь остаётся
голос вдали,
как прощальный отблеск зари,
осветивший дорогу,
где играют искры тепла,
словно мёртвые тени.

Осколок

Скованных рек бирюза.
Неба серый гранит.
Полдень в стеклянных глазах
медленным снегом горит.

Строчки ложатся свинцом
в черновики января.
Холод целует лицо,
словно слепая заря.

Зимних пророчеств вода.
Мёртвый огонь вдалеке.
Я - лишь осколок льда,
тающий в тёплой руке.

Прикосновение

Сердце стонет вьюгой февральской.
Милая, не молчи, не молчи...
Прикосновение нежных пальцев,
словно дрожащий цветок свечи.

Грусть безупречна и безутешна.
Лёд фонарей застывает во мгле.
Тихая полночь почерком снежным
имя выводит твоё на стекле.

Сны

Печаль твоя - весенний сон,
играющий прохладой вечер,
где солнце вышло на поклон,
и поздний свет ласкает плечи.

Печаль твоя - горячий вздох
свечи в безмолвии непрочном,
где бьётся сердце, как восток,

срывающий завесу ночи.

Печаль твоя - осенний сад,
дождливый след в размытом поле,
где ветер шепчет невпопад
о вещих снах и вечной боли.

Письма

Вдалеке, где седой океан
Смотрит в пустошь на тысячи миль,
Где рассвета жемчужный туман,
Словно ангельских крыльев пыль,
Где зари золотистый смог
Превращается в сердца зной,
Я оставил тебе пару строк -
Их прочтёт полусонный прибой.
Там, где ветров солёных престол,
В сокровенной, как полночь, тоске,
Ты оставила мне письмо -
Тёплый след на холодном песке.

Апрельский блюз

Апрель.
Вскрытые вены рек.
Зыбкое вдохновение
под тяжестью век.
Лёгкий излом
солнца
наводит мосты.
В галерее весны -
застывшая краска луж
на грязном холсте
города.
Расставив все точки
над "i",
теряешь
точку опоры.
И снова,
тянет
неумолимо,
отчаянно,
туда,
где лучшая из молитв -
молчание.

Струны

Майский проспект.
Пыль городского
многоголосья.
Солнце,
прыгая с ветки на ветку,
щекочет ресницы.
Воздух
стекает
расплавленным воском
по матовым стёклам
в лёгкие
многоэтажек.
Уже за тридцать
градусов или лет...
Не важно...
Слова,
словно ветер -
вокруг да около,
окрик в пустыне,
след мотылька...
Из глины
бездонного облака
рука
воображения
лепит так,
чтоб на века...
Не спеши,
постой в тишине
собственной тени,
где внутренний голос
не отличить
от эха,
упавшего
за горизонт.
В уголке души
самолётик бумажный
грезит о летнем небе,
будто бы
перелетной птице
снится
родное гнездо.

Цвет вишни

Цвет майской вишни,
как первый снег.
Парит над крышей
рассвета стерх,
туман распутав.
Душа вразброс,
она как будто

незванный гость
во всей вселенной,
на всех фронтах,
и тенью бледной
скользит сквозь прах
на отблеск пришлый,
на ветра звон,
свет майской вишни
укрыв крылом.

Продолжение

Воздух пронизан бронзой.
Листья в осколках света.
Не задавая вопросов,
ты уже знаешь ответы.

Кажется, всё это было,
было неоднократно.
Сердце под толщей ила,
тощее пламя заката,

сумрачный призрак ночи
и безнадёга рассвета.
Время расставит все точки,
точки над грудой пепла.

Вскользь, наугад, где-то между
жизнью и смертью, неброско,
будет дымиться надежда,
словно окурок солнца.

100цветие. Летний джаз

Июньский холст
в мясистых мазках
тополей,
в разводах лип.
Рисунок
летнего сквозняка
искрится
на крыльях бабочки,
и взгляд,
как прикованный,
уносится
вместе с ней
в синюю пустошь,
где спит
ленивое солнце,
будто чахнет над золотом

древний ящер.
Там,
за парящим
смутно-бледным
очертанием облака,
где мгновение
эквивалентно
прожитой жизни,
там останется
моё лето,
в тонкой сладости
тишины и забвения.

Песни июля

I

Дождь врывается
в летний сон.
Бурая вязь облаков
тянется
на восток,
преломляясь
в зелёной прохладе волн.
Вдали догорает
гроза.
Встретимся
на том берегу,
где безликие тени тропинок
и мягкий голос листвы
в лоскутных объятьях леса.
Встретимся,
словно день и ночь.

II

Ночь забирает боль.
Облака над смуглой водой,
словно шум
молодых тополей.
Чайка зари
взмахнула крылом
над пустынной дорогой.
Созерцательное
ожидание
растворяется за горизонтом.
Раздели со мной
одинокчество
июльского плена.

III

Плен
каменистого берега.
Ожерелье из света
над серебристой водой.
Ледяное молчание
синего леса
и тёплый ветер
сонных полей
на полотне лета.
Незримый художник
бросает белила
на холст
и небо меняет узор,
словно бредит
беспокойное сердце.
Приди же
и разбуди меня,
пока вдали
не высохли слёзы
рассвета.

IV

Ливневым золотом полдня
дышат луга.
Ветер вселяет
лёгкую дрожь
в танец пчелы.
В воздухе тает
солнечный запах
соломы.
Хвойные шапки
мерно качают
предгрозовое небо.
Я ищу
холодное
послесловие волн.

V

Отголосками писем
разлетается
дорожная пыль.
Мимолётные поезда
уносят на запад
протяжное эхо зари.
Последняя искра счастья –
проснуться у тёмно-зелёной реки
под пение птиц
и больше
не закрывать глаза.

VI

Тень ящерицы
скользит
по песку рассвета.
В тумане берёз
теряется
след дождя.
Спящий огонь ночи
тлеет на крыльях бабочки.
Говори тише,
чтобы слышать,
как бьётся
изумрудное сердце воды.

Синяя пыль

Жаркий полдень
окутал ленью
пространство
города N.
От зари до зари
горит
бескрайняя
бирюза августа,
где пропасть безмолвия
обретает
законченность формы.
Солнечный зайчик
вздрагнул
в глазах
беглым цветком грозы.
Пустота
вливается
тягостным опьянением.
Хлёсткие тени
веток сирени
ложатся на кожу,
словно бороздки
зарубцевавшихся вен.
И мгновение
превращается в пыль,
в блик, в ил, в тлен,
в шелест старой травы,
в застывшую глину
лета,
оставив место
для тихой повести
ни о чём,
что прочтёт мне

незванный гость.

Осенний плен

Я шелест слов
собрал в блокнот
опавших листьев,
листая тени
рваных рощ,
пустых аллей.
С последней искрой
солнца
тает день,
и мотылёк
находит смерть
в огне осеннем.

Горит печаль
бессонного окна.
Под музыку
лавандового неба
сентябрь разносит
белый шум
берёз.
Печать луны
застыла
тёплым воском,
и в колыбели пепельной
качнётся
рябина,
как бессмертная свеча.

Свинец

Сквозь облаков табачный дым,
разворошивши солнца улей,
скользнул осенний вздох лазури.
Искрился полдень, вместе с ним
в уставшем сердце догорала
листва осеннего костра.
И чайкой раненой с моста
взгляд в серую прохладу падал,
на плечи волн, в сырую ночь,
в свинцовый сон под вечным илом,
а солнце обжигало глину
сентябрьских аллей и рощ.

Каменный сад

В седине облаков
проступает холод зари.
Капли солнца стекают
по белому шёлку берёз,
будто кровь,
обагрившая снег,
будто мерное пламя костра,
что вмерзает
в осенний пейзаж
ледяным маяком.
Ночь согрела каменный сад,
опьянила тенистым вином,
плетью ветра
октябрь задрожал,
умерщвляя янтарную плоть.
Задышается ветер в листве,
обнажая потерянный след,
и на струнах дождя
замирает
последний аккорд.

Ожерелье

Осень разносится тайной.
Ночь пророчит за дверью.
Я помню
твоё молчание,
запечатлённое в камне,
первые
прикосновения,
под опьянённые
блики огня,
я помню
нежные тени,
что сливаются воедино,
будто бы
в полушаге
от смерти.
И ливень рвёт паутину
фонарного света,
бросая яшму
к твоим ногам,
но ты закрываешь глаза,
падая
в вязкие
сети безлунья,
и только тонкие струйки
дождя
дрожат
на кончиках пальцев,
перекликаясь с лютней.

Лёгкость

Отголоски навязчивых мыслей
тают с хмелем в осеннем закате,
я смотрю на янтарные листья,
как на письма без адресатов.

Фонарей серебристый иней
осыпает прохладой вечер,
словно бледные ветви ивы,
что застыли над медленной речкой.

Выдыхает пустеющий город,
ветер стелется северным лоском,
и незримая точка опоры
превращается в неба плоскость.

Лебедь

Предвестие холода
в небе.
Над осенним лесом
плывёт
сизое облако,
будто лебедь
по тихой воде.
Багровые листья клёна
высекают в сердце
беглое пламя.
На жертвенную солому
вечернего солнца
падает взгляд
ангела.
Прислушайся,
его грустный голос,
словно осевшая пыль,
разбавленная листвой
на пустой
дороге.
Прислушайся -
вот и вся мудрость
с лихвой,
как воздух чиста
и легка.
А дальше,
за тёмным порогом,
лишь бессмертие мотылька.

Тонкий лёд

Я опускаюсь на колени,
припав к осеннему кресту,
шуршат ноябрьские тени
сквозь обнажённую тоску.
Сухие губы пьют молитву
гниющей под дождём листвы,
и ветер дёргает калитку,
словно разводит смерть мосты.
Перебирая сердца струны,
я оставляю за спиной
свой голос в трепете безлунья,
чтоб обрести ночной покой.

Туман

Сырость небо замостила,
как бурьян.
Ветер плачет, слёзы тают
тут и там.
Тлеют тени, вязнут илом
по углам.
Осень в памяти оставит,
лишь туман.

В брызгах фонарей играет
тонкий шарм.
Сердце ищет покаянье
сквозь дурман.
Полночь исповедь направит,
стихнет гам.
Вслушайся, твоё дыханье -
лишь туман.

Росчерк

Сквозь багровый огонь занавесок,
сквозь стекло, что заря перламутром
расписала, сквозь влажные фрески
переулков, сквозь окрики утра,
брось мне весточку взглядом осенним,
мимолётным, прозрачным, незримым,
и, как волны свинцовые ленью
застывают в душе пилигрима,
свет останется (всё остаётся),
будет жить где-то там, по соседству
с тишиной, на страницах неброских
сокровенной ноябрьской пьесы.

Пастух

I

За порогом
гранатом
луна расцвела,
украшая
алтарь декабря.
На разбитом стекле
запеклась
кровь свечи,
украшая
алтарь декабря.
Во дворе ворожит
чёрный дым
воронья,
небо иней
смахнуло с щеки,
и пошёл тихий снег,
заметая следы,
что оставила
долгая ночь...

II

Приглушённый свет
тянет в пропасть
зимнего вечера,
словно пастух
гонит в сумерках
своё уставшее
стадо,
и как будто
уже не вернёшься,
написав напоследок
чистосердечное,
и как будто
тебя здесь не было
и не надо...

III

Загадывай желание -
она уже в пути,
звезда, летящая
самоубийцей
с крыши ночи
в декабрьскую мглу,
через застывший крик
в изломах

рощ стеклянных,
где не забыться,
не исправить, не отсрочить,
лишь вырвать с корнем,
бросить, отпустить,
и слушать,
как шлифуя горечь скал,
играет в сердце
северное море...

IV

Луна, как нищенка
в жёлтых лохмотьях,
крадёт по зимней улице.
Ветер-могильщик
стучится в замёрзшие ставни.
Я хотел бы уйти,
хотел бы вернуться,
я уже не вижу различий
сквозь прозрачную ткань
памяти,
сквозь время,
что остывает
в надтреснутом блюде
жасминовым чаем ...

V

Жемчужиной стужи
покоится солнце
на дне ледяного неба.
Осыпается
снежной побелкой
декабрьский день.
Пустота внутри и снаружи
опьяняет
свободой бездействия,
проводя
крылатую тень
метели.
Отбрось бесполезное
бремя желаний,
и белый источник зимы
утолит твою жажду...

Каллиграфия

Задев
пурпурно-винный
горизонт,

крик декабря
летит метелью
белых песен.
Целует шапки сосен
месяц,
и расцветает инеем
восток.
Дыхание свечи,
словно последний вздох,
что облаком
парит над синим
лесом.
Ночь
мёртвым блеском
подведёт итог,
гирлянды звёзд
сквозь зимний смог
развесив.

Огонь

В белом пламени полей
замерла пастушья песня.
В чёрной пустоте аллея
исчезает метка солнца.
Камни, спящие на дне,
тени призрачного леса
нас научат тишине
в сумерках многоголосья.
Блеск твоих холодных глаз
паутиной неба скован,
ветвей пепельная вязь
вмёрзла в ночь последним словом.
И горит, горит свеча,
словно рябь осенних листьев,
словно дикие колосья,
превратившиеся в искры.

Белые страницы

Всё выпито до дна
с последней каплей света,
лишь пьяный снег
мерцает в тишине,
и ты зовёшь меня
в пустыню ночи,
где вместо сердца -
полная луна,
молчащая в груди
стального неба.

И я иду, не ведая,
не помня,
не помня дня вчерашнего,
не зная,
не зная завтрашнего дня,
держась за воздух
заиндевшим
порванным крылом,
надеясь на
бессрочное однажды...

Никогда

Холодной нежностью
сковал
январский свет.
В плену аллеи
мерцает
синий лёд,
и отдаёт
нордической печалью
воздушный поцелуй
седого ветра.
Тускнеет блеск свечи
под мерный ход часов,
пока ты на стекле
рисуешь ночь
без сна,
и учишься дарить
своё молчанье,
тому,
кто не вернётся никогда.
И слышит он,
как льётся
тишина
в застывшем сердце
зимнего причала.

Скандинавский пейзаж

В дом ветров
цвета пламени вод,
в палаты луны
цвета огня
ложе дракона,
будто змея крови
вонзился
губящий ветви.
Заалела грива поля,
словно роса смерти.

Жадные искры заката
затрепетали
в жилище души,
и радость сна
опустилась на скалы плеч,
как надежда на дождь.

Чёрное солнце

Ничего, ничего не осталось,
трепет сердца - сухая трава,
только чёрного солнца усталость
освещает скупые слова.

Всё прошло, всё молчаньем застыло,
в окнах призрак пустыни горит,
и лишь воронов чёрные крылья
режут снежную дымку зари.

За спиной тает холод полночный,
разливая тоску лунных волн,
и крадётся сквозь память, на ощупь,
моя тень, потерявшая сон.

Улей

Ночь -
как репетиция смерти.
Рассвет -
как сгорающий феникс.
А между ними
искрится
лёгким пламенем
ветер
твоего имени.
В замкнутом круге
созвездий
все взгляды сходятся
в хрупкой
мишени
твоего сердца,
словно холодная бездна
проникновенно
молится
за тебя,
разливая тенистую
влагу
по венам отшельника.

Зимняя роза

В пепельной тени штор,
в предрассветных мгновеньях
ранней весны
ты смотришь на снег,
что танцует в листве
фонарного света.
Я рисую
твой профиль
на запотевшем стекле.
Твои слёзы,
как капли хрустальной росы
подбирает белый сквозняк,
и уносит за пепел
штор,
на восток,
пробуждая зарю в полумгле.

Левитация

Я храню свои тайны
под беглой вуалью снов,
где ночь омывает камни
улиц, проулков, дворов.

В лучах равнодушной вселенной,
разбрызганной чёрной краской,
я вновь выхожу на сцену,
срывая последние маски.

Вдыхая налёт тумана,
что льётся из окон ночи,
я падаю в небо, как пьяный,
трезвеющий от одиночества.

Взмах

Глотни весеннего вина,
умри, чтобы воскреснуть,
моя любовь, пустыни свет,
крик моря, шум травы.
Беги по лезвию струны,
как по стеклу дождя,
моя душа, забытый сон,
звезды упавшей шлейф.
Нет в этой жизни ничего,
чтоб не было тобой.

Исчезновение

Стекло воды залито смолюю неба.
Далёкий свет сырým песком лежит.
И воздух пахнет мокрым мёртвым снегом,
и разрывает тишину души
чуть слышный отзвук мартовской молитвы.
В степь ночи оседает ветра стон.
Скрипит назойливо бессонницы калитка,
и тень мою скрывает горизонт.

Дыши

Жить,
значит тревожить
сердце,
положить его
на алтарь любви,
беззащитное, хрупкое, нежное...
Перед бездной огня,
где искры
как последние капли крови
питают камни,
оставить свои
мысли, надежды, страхи,
и под рубахой
чистого неба
согреться безбрежным
солнцем её глаз,
сегодня, завтра, всегда,
всегда, как в последний раз,
как в последний путь...
Идти
хоть куда-нибудь,
тысячу лет,
вопреки, напрямик, непреклонно,
под шёпот волн,
по песку, хранящему
призрачный след,
сквозь жар и разлуку,
тая весеннем снегом
в её ладонях...

Неизменно

Апрель - нам вновь искать друг друга.
Движенья робки и слова просты.
Тревожит сердце хмель, зелёной вьюгой
смешавший краски на холсте весны.

Но всё одно - вечерних улиц охра,
аллеи, опьянённые дождём,
и бархат облаков в погасших окнах,
где мы опять друг друга не найдём.

Космос

Почувствуй жажду,
пей из хрусталя
апрельской ночи
мёрзлый лунный свет.
Не провожай, не жди,
лишь помни вещей блеск
под рваным флагом
меркнущих созвездий.
Не бойся,
раздувая пламя жизни,
обжечься
ускользающим мгновеньем.
Нет вдохновенья
без греха и боли,
и боли нет,
а есть любовь и смерть,
две стороны медали,
две сестры,
что освещают даль
твоей вселенной,
и заставляют петь
холодный ветер
в набухших венах
молодой весны.

Оберег

Песок укроет исповедь твою,
и призовет к ответу тишину
молитвенной пустыни.
На влажных простынях
солёных волн
уснёт кипящий горизонт,
словно проступит иней.
Мгновением
задев прибрежный склон,
растает голос чайки,
как сахар облака
в горячем чае
неба.
Под золотистый колокольчик бриза
тебя пленит, согрев
охапкой искр,

душа костра,
когда твою услышит.
И будто с чистого листа,
и будто снова дышишь
холодной далью,
переменной мест,
забыв, кем был, кем стал,
и вспомнив, кто ты есть.

Шанс

Где-то спит
над пьяной рекой
серебристая ива,
и ночное небо горит
полевыми цветами.
Ты когда-то там был,
но забыл,
растерял по дороге,
разучился любить
остывающий гул
неприметных окраин.

Посмотри же устало
на пыльные стёкла
горящего марта,
ты увидишь алмазный туман
в мельхиоре рассвета,
что оденется в холод
на голое тело,
и чёрная метка
солнца бледного
станет
чистым золотом
в камере смертника.

Ветвь

Мне бы петь и петь
безымянным эхом
в сторону моря,
каменеть
в прибрежном граните
чёрной волной прохлады.
Мне бы ждать и ждать,
сединою дождя
посыпая голову,
тишину твоих рук,
безутешность
полночного взгляда.

Мне бы литься
весенней слезой
по щекам подворотен,
собирать
в мотив неумелый
шёпот дорожной пыли,
а потом
лететь под откос
безвозвратно и беззаботно,
как звезда,
что сорвалась с ветки
небесной ивы.

Вереница

I

В вечерней акварели улиц
теряется твой силуэт,
но остаётся,
словно пульс
в горящей летописи лета,
улыбки лоск.
И на полях
шуршащего дождя,
что флейтой льётся
в чуткой пустоте,
что застывает ожиданьем
в воске окон
(там, где наука ждать -
всему второе имя),
в плену ветвей,
укрывших неба иней,
кто-то прочтёт
(незримый
и далёкий)
простой набросок,
тонкий эпизод,
и тоже одиноко
улыбнётся.

II

Вечернее вино
в бокале неба.
Будь безмятежно пьян.
В прихожей лета -
зеркало реки,
что отражает
глаз твоих туман.

Всмотрись в туман,
бреди в песках
души
на ощупь.
По коридору дальше -
горизонт
с рассветом восходящей
ночи,
и горы,
где ведёт рассказ
о смерти (или воскрешенье)
закат-отшельник,
заметая тень
седого дня.
А в зеркале -
лишь ветер лижет пепел
сквозь погребальный дым
немых столетий,
и никого уж нет,
и даже нет тебя.

III

По волнам джаза,
фраза за фразой,
нота за нотой,
увязнув
в болоте
полной луны,
мы
находим
друг друга
снова,
скованные
весенней вьюгой
и неизменным
голодом
первых
прикосновений.
По стенам
крадутся
без устали
нежные тени,
и тает
под кожей
иней
небесной
ночи,
оставляя
бессрочный
прощальный
ожог

в сердце,
где
песни
разлуки
преломляются звуками
ливня.

IV

Рождение хаоса,
очарование
огненной смерти -
это танец бабочки
летней ночи.
Ощути, как тянется
ветвь
её тонких движений,
царапая воздух
за окнами.
Выбирай
одинокество,
чтобы не быть одиноким.
Выбирай
многозначность,
чтобы смотреть прямо.
Следуй советам,
тех мудрецов,
что непрерывно
держат рот на замке.
Помни,
свет вдалеке -
это отблеск свечи
в твоих ладонях.
Помни,
что завтра -
всего лишь призрак
в глазах смотрящего;
что день
вчерашний -
лишь плач
оседающей пыли,
развеянный прах
заката,
лишь тень
уставшей листвы.
Помни,
что настоящее -
только шелест
упавшей пыльцы
на атласный рукав
дороги
с лёгких крыльев

летнего сквозняка.

V

Приятная горечь
сухих листьев.
Ветер дрожит
в прожилках
табачного дыма.
Мне приснилось,
что я потерялся
в полуденном сне
голых рощ,
где под нимбом
беспечного неба
искрится
вечная осень
души.

VI

Глубоководное
чёрное небо
в твоих глазах.
Тсс...
Незабудки
гаснущих
фонарей
в твоих глазах.
Тсс...
Нежный узор холода
на твоей коже.
Нагота пробуждения
в первых лучах
звезды.
Не торопись,
это адажио.